

ИНСТИТУТЫ КУЛЬТУРЫ И МЕСТА ПАМЯТИ

Н. Г. САМАРИНА

ПАМЯТНИКИ НАУКИ И ТЕХНИКИ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

В статье характеризуются культурологический и источниковедческий подходы к интерпретации памятников науки и техники в музейной среде. Проблема техники рассматривается в онтологической и аксиологической плоскостях, как фактор трансформации социокультурных ценностей, изменений феномена человека и той роли, которую он играет по отношению к материальному миру. Сложившаяся музейная практика демонстрирует игнорирование источниковедческих знаний и отсутствие навыков научной классификации.

Ключевые слова: *памятник науки и техники, культурный феномен, музейное источниковедение, вещественный источник, критерии классификации.*

Сохранение, интерпретация и презентация памятников науки и техники в современном музее не могут осуществляться вне общего контекста развития социально-гуманитарных наук. Бурное развитие наук о культуре в широком понимании этого явления ставит перед музейными работниками задачи сохранения памятников науки и техники как историко-культурных объектов, их интерпретации и презентации как культурных продуктов и культурных феноменов.

Характерно, что теория и философия культуры изначально не исключали размышлений о статусе техники как фактора социокультурной динамики или существенного составного элемента культуры. Л. Уайт, стоявший у истоков культурологии, под влиянием В. Оствальда развивал энергетическую теорию эволюции культуры. Придерживаясь позиций технологического детерминизма, он полагал, что содержанием динамики культурных изменений является степень энергообеспеченности человечества и предлагал рассматривать культуры как формы организации и системы по преобразованию энергии. Он использовал понятие энтропии как степени организованности процессов. Во всей Вселенной господствуют законы термодинамики, по которым энергия стремится к равномерному рассеянию в пространстве, а структура Вселенной – к упрощению (увеличение энтропии), в пределе к некоему абсолютно равносному состоянию (тепловая смерть Вселенной). Однако в живых

организмах и сообществах людей процесс идет в противоположную сторону, в направлении усложнения структуры и накопления энергии. Л. Уайт настаивал на включенности исторического прогресса в системы глобального космического взаимодействия. Критерием прогресса в эволюции культур он считал возрастание количества энергии, используемой общностью. История представлялась ему беспощадной битвой людей с природой за все больший уровень контроля над энергией. Первый уровень и источник энергии – человеческий организм. Эра человеческой энергии сменилась эрой покорения солнечной энергии в форме возделывания культурных растений и использования домашних животных. Затем наступили эпохи ветра, воды, органического топлива, и, наконец, в XX в. люди осваивают атомную энергетику.

Таким образом, критерий общественного прогресса, согласно Л. Уайту, состоит в: «1) количестве обуздываемой за год энергии на душу населения; 2) эффективности технологических средств контроля и использования энергии; 3) количестве производимых продуктов и услуг, удовлетворяющих человеческие потребности»¹. В соответствии с этим цель потока культурных изменений – аккумулировать и придавать структурную форму энергии, рассеянной в пространстве или существующей в потенции в окружающей природе. Признавая решающую роль энергетического базиса, Л. Уайт практически отождествлял уровень технологического и культурного развития. Более того, он полагал, что каждому способу «обуздания энергии» соответствуют определенные культурные ценности, идеология общества.

Технологический детерминизм проявился и в интерпретации значения частей или слоев культуры. Культурная система состоит из трех уровней: технологического слоя в основании, философского наверху и социологического между ними. Технологический уровень первичен, вся культура основана на нем и зависит от него. Технология, по Л. Уайту, – это совокупность материальных, механических, физических средств и техники их использования. При помощи них человек как животный вид взаимодействует с природой. Технологический слой делится также на орудия и энергию. Он предопределяет содержание социологического или социального уровня, состоящего в межперсональных отношениях. Философский или идеологический слой в культуре включает в себя культурные ценности, искусство и т.п., выражает технологические силы и отражает социальные системы.

¹ Уайт. 2004. С. 368.

Как фактор становления и развития буржуазного духа рассматривает технику В. Зомбарт. Под техникой в широком смысле он понимает «все способы действия, которыми человек пользуется для достижения намеченных целей, а в более узком смысле – целесообразное использование вещественных предметов: в этом случае я говорю об инструментальной технике, и о ней одной может идти здесь речь. Если инструментальная техника служит для производства благ, то она является производственной техникой; если же с ее помощью должны быть перемещаемы люди, блага или известия, то она – транспортная техника»². Техника будит предпринимательский дух, проявления волевой энергии в «хозяйствующих субъектах», способствует их развитию, воздействует в различных направлениях на мышление экономического человека, развивает рационализм. В качестве основы техники на место опыта с XVII в. становится естественнонаучное познание. Под рационализмом В. Зомбарт подразумевает знание законов, лежащих в основе технических процессов, точное следование им, осуществление деятельности по научным законам, их исследование и применение. Развитие техники формирует культурные ценности и отношение к материальному миру. «Мы быстро разбогатели, мы привыкли к миру, техника обезопасила нас от ужасов чумы и холеры; что удивительного, если низкие инстинкты человека – удовлетворение беспрепятственным наслаждением, любовь к комфорту и привольному житью – далеко превысили идеальные стремления. Стадо мирно пасется на жирном пастбище»³. Тем самым ставится проблема соотношения человека и техники: техника вытесняет человека из центра производственного процесса, человек исчезает из центра как хозяйственных, так и общих культурных ценностей.

Философы культуры обсуждают также проблемы взаимосвязи науки и техники, смысла и значимости результатов их развития как культурных феноменов, будущего техники в социокультурной среде.

К. Ясперс пытается оценить то принципиально новое, что привнесли современная наука и техника, поскольку это имеет решающее значение для анализа ее духовных и материальных возможностей в современной социокультурной ситуации, и соглашается с В. Зомбартом, что период господства науки и техники как факторов культурной эволюции начался в XVII в. «Современная наука универсальна по своему духу. Нет такой области, которая могла бы на длительное время отгородиться от неё. Все происходящее в мире подвергается наблюдению,

² Зомбарт. 2009. С. 373.

³ Там же. С. 383.

рассмотрению, исследованию – явления природы, действия или высказывания людей, их творения и судьбы. Религия, все авторитеты также становятся объектом исследования. И не только реальность, но и все мыслительные возможности становятся объектом изучения. Постановка вопросов и исследование не знают предела»⁴.

Однако не наука, а техника стала едва ли не главной проблемой основополагающих условий человеческой жизни, эволюции свойств человеческой природы. «Техника – это совокупность действий знающего человека, направленных на господство над природой; цель их – придать жизни человека такой облик, который позволил бы ему снять с себя бремя нужды и обрести нужную ему форму окружающей среды. Как природа меняет свой облик под воздействием техники, какое обратное действие на человека оказывает его техническая деятельность, то есть как характер его труда, организация его труда и его воздействие на среду меняют его самого, – все это составляет основной фактор исторического развития»⁵. К. Ясперс делает акцент на разрушительных последствиях развития техники: существование человека как технического механизма, превращение планеты в единую фабрику, отрыв человека от его почвы, потеря преемственности традиций. Он соглашается с Ф. Дессауэром, что смысл техники состоит в освобождении от власти природы, поэтому принцип техники заключается в целенаправленном манипулировании материалами и силами для реализации назначения человека. Технический человек рассматривает вещи под углом зрения их ценности для реализации человеческих целей и пытается приблизить формы вещей к особенностям этих целей. Различается техника, производящая энергию, и техника, производящая продукты. Безусловно, технические открытия есть результат творческой деятельности и основаны на достижениях науки, они расширяют представления об окружающем мире, однако «в повседневном труде смысл целого исчезает в качестве мотива и перспективы, техника распадается на бесконечно многообразные виды деятельности, теряющие свой смысл для работающего и обедняющие его жизнь... Человек погружается в состояние, при котором сознание отсутствует или теряется»⁶.

«Техника господствует только над механизмом, над безжизненным, универсальным. Во власти техники всегда лишь механически постигаемое. Она преобразует свой предмет в механизм, а тем самым в

⁴ Ясперс. 1991. С. 101.

⁵ Там же. С. 115

⁶ Ясперс. 1991. С. 118–119.

аппарат и машину. Перед лицом неожиданно грандиозных успехов этих механических возможностей может показаться, что в техническом отношении все выполнимо. Тогда возникает обманчивая уверенность в том, что все может быть сделано. Подобная абсолютизация техники связана с непониманием действительности, которая во всех случаях требует чего-то большего, чем голая техника, и хотя во всякой деятельности техника служит необходимой предпосылкой, механизм составляет как бы только костяк. Отношение к природе в деле культивирования растений и приручения животных, к человеку – в процессе воспитания и коммуникации, создание произведений духовной культуры, даже само изобретение немислимо на основе одних технических правил. Напрасны старания сделать с помощью техники то, что доступно лишь живому духу. Даже в живописи, поэзии, науке, где знание техники как средства необходимо, все то, что являет собой не более чем продукты технического умения, остается бесплодным»⁷.

Оспаривая данные выше инструментальное и антропологическое определения сущности техники, М. Хайдеггер заявляет: «К тому, что есть техника, относится изготовление и применение орудий, инструментов и машин, относится само изготовленное и применяемое, относятся потребности и цели, которым все это служит. Совокупность подобных орудий есть техника. Она сама есть некое орудие, по-латински – *instrumentum*»⁸. Но если размышлять о существовании техники, она – не простое средство, но вид раскрытия потаенности, область выведения из потаенности, осуществления истины. По М. Хайдеггеру, выведение из потаенности, которым захвачена современная техника, происходит таким образом, что таящаяся в природе энергия извлекается, извлеченное перерабатывается, переработанное накапливается, накопленное опять распределяется, а распределенное снова преобразуется. Тогда извлечение, переработка, накопление, распределение и преобразование – виды выведения из потаенности. Однако выведение не просто идет своим ходом и не растекается в неопределенности. Техническое раскрытие потаенного раскрывает свои собственные сложно переплетенные процессы тем, что управляет ими: управление со своей стороны стремится всесторонне обеспечить само себя. Управление и обеспечение делаются главными чертами производящего раскрытия. «Какого рода открытость присуща тому, что вышло на свет в процессе производящего предоставления? Его во всех случаях заставляют установленным образом быть в

⁷ Там же. С. 135.

⁸ Хайдеггер. С. 1.

распоряжении, а именно с установкой на дальнейшее поставляющее производство. Все, что таким образом поставлено, стоит на особом положении. Назовем его состоянием-в-наличии. Этот оборот речи будет означать у нас нечто более весомое и существенное, чем просто «припасенность». Словосочетание «состояние-в-наличии» поднимается здесь до статуса принципиального понятия. Им характеризуется весь тот способ, каким наличествуют вещи, затронутые производяще-добывающим раскрытием. Состоящее-в-наличии уже не противостоит нам как предмет в его объективной реальности»⁹. Обращаясь к проблеме взаимоотношений техники и человека, М. Хайдеггер считает очевидным ответ на вопрос: кто осуществляет все это поставляющее производство, через которое так называемая действительность выходит из потаенности для состояния в наличии? – Человек. Но до какой степени человек своими силами способен на раскрытие потаенного? Он может, конечно, тем или иным способом представлять, описывать и производить те или иные вещи. Но человек не распоряжается непотаенностью, в которой показывает себя или ускользает действительное.

Взгляды М. Хайдеггера на будущее техники не были пессимистическими: он обнаруживает, что существо техники таит в себе возможные ростки спасительного. С одной стороны, «гонка поставляющего производства» подвергает риску самые корни отношения человека к существу истины, с другой стороны, пути осуществления поставляющего производства позволяют человеку, пусть и неосознанно, пребывать в будущем, что обеспечивает преемственность времен, создает условия для хранения существа истины.

Таким образом, теоретиками культуры проблема техники рассматривается в онтологической и аксиологической плоскостях, как фактор трансформации социокультурных ценностей, существенных изменений феномена человека и той роли, которую он играет по отношению к материальному миру. Решение поставленных проблем не позволяет рассматривать развитие науки и техники как абсолютный прогресс в силу его противоречивости.

В хайдеггеровской теории техники, пожалуй, наиболее детально представлена вещественная сторона техники. Он рассматривает вещь не только как сущность (идею), но и как материальную форму. «Столетиями философия учит, что есть четыре причины: 1) *causa materialis*, материал, вещество, из которого изготавливается, например, серебряная чаша;

⁹ Там же. С. 6.

2) *causa formalis*, форма, образ, какую принимает этот материал; 3) *causa finalis*, цель, например жертвоприношение, которым определяются форма и материал нужной для него чаши; 4) *causa efficiens*, создающая своим действием результат, готовую реальную чашу, то есть серебряных дел мастер»¹⁰.

Сформулированные М. Хайдеггером положения целиком совпадают с нашими представлениями о свойствах источника: он имеет некую материальную форму (в частности, характеризуемую материалом изготовления), в процессе его создания реализуется единство целевых установок (интенций, мотиваций) индивидуального или коллективного субъекта, источник содержит в отраженном или воплощенном виде некий культурный текст (совокупность социокультурной информации).

Музейное источниковедение рассматривается нами как самостоятельная отрасль источниковедения¹¹. Возникнув как вспомогательная историческая дисциплина, источниковедение к середине XX в. достигло статуса главной вспомогательной дисциплины, а во второй половине XX в. в условиях бурного развития и дифференциации гуманитарных наук приобрело междисциплинарный характер. В качестве объекта изучения музейного источниковедения рассматривается не только музейный предмет, в отличие от источника обладающий свойствами аттрактивности, экспрессивности и коммуникативности, существенно дополняющими ту семантическую нагрузку, которую несет каждый источник. Под музейными источниками мы подразумеваем всю совокупность музейных предметов и научно-вспомогательных материалов, составляющих музейные фонды, поскольку и те и другие в равной мере отражают социокультурную реальность и являются носителями фиксированной информации; и те и другие играют роль посредника между действительностью и познающим ее субъектом.

Предмет музейного источниковедения, как и предмет общего источниковедения, включает две части: теоретическую и практическую. Музейное источниковедение изучает процесс комплектования музейных коллекций и собраний, формирование их состава, научную организацию и классификацию фондов, а также вырабатывает методику научного комплектования, учета, хранения, атрибуции и экспонирования музейных источников.

Не затрагивая проблем источниковедения вербальных (в том числе письменных) источников, сосредоточимся на источниковедческом под-

¹⁰ Там же. С. 2.

¹¹ Самарина. 2010. С. 60–92.

ходе к изучению вещественных и изобразительных источников, которыми в музейных собраниях представлены памятники науки и техники.

Вещественные источники, как правило, относятся к вещевому фонду и не включают естественноисторических предметов, что противоречит последовательному применению типологического принципа и создает иллюзию особого музейного статуса естественнонаучных музеев и коллекций. По определению В. Н. Фомина, «вещевые источники – это материальные трехмерные объекты, изготовленные человеком, имеющие определенную степень утилитарности, которые многообразием своих признаков несут информацию о различных аспектах исторической действительности определенной эпохи»¹².

Из практики организации фондов в ведущих музеях страны вещественные источники классифицируются по видам материала: ткани; кожа; металл черный и цветной; металл драгоценный; керамика и стекло; дерево; кость и рог; перламутр и камень; пластмассы и современные материалы. Второй определяющий признак – функциональное назначение, подразумевающее деление на разновидности. Например, мебель: для отдыха, для хранения, для занятий; оружие: холодное, огнестрельное, защитное вооружение; нумизматика и бонистика; сфрагистика и геральдика. Внутри разновидностей вычленяются группы хранения. Например, мебель для занятий (столы): обеденные, кухонные, для игр, специальные, рабочие. Возможно и более дробное деление на подгруппы: специальные столы подразделяются на чайные, курительные, журнальные, прикроватные, столы-подставки, консоли.

Потенциальные информационные возможности вещественных источников значительно шире вида материала, и только источниковедческий анализ позволяет выявить эту «закодированную информацию». Музейная практика выработала определенные приемы обработки вещественных источников, но перед музеоведами стоит задача обобщения накопленного практикой опыта и разработки соответствующих методик. Выработка таких методик крайне необходима, потому что вещи как источники информации коренным образом отличаются от других источников. В сфере мышления оперировать непосредственно вещами невозможно, так как закодированная в них информация сначала должна быть переведена с «языка вещей» на естественный язык, то есть вещь необходимо описать, пользуясь понятиями и суждениями, выраженными в словах и специальных терминах. Практика изучения вещественных

¹² Фомина. 1981. С. 65.

источников в музее и введение их в научный оборот показали, что перевод информации с языка предметов на вербальный общенаучный язык требует специальной профессиональной подготовки, которая может быть дана в рамках освоения курсов источниковедения, истории науки и техники, концепций современного естествознания, истории материальной культуры и вспомогательных исторических дисциплин.

Значительно продвинулось за последние три десятилетия источниковедение изобразительных источников. Современная классификация, подразумевает деление изобразительных источников на изобразительно-графические, изобразительно-художественные и изобразительно-натуральные. Монографического изучения удостоились только кинофотодокументы¹³, но изображение как форма отражения действительности имеет обширную историографию. К сожалению, разработка проблемы происходит разрозненно, параллельными рядами: каждый род изобразительных источников изучается определенным кругом профильных специалистов, интересы которых не пересекаются. Менее всего внимания уделяется изобразительно-графическим источникам (картам, планам, схемам)¹⁴.

Традиционно к изобразительным источникам относят живопись, графику и скульптуру, хотя с точки зрения общего источниковедения отнесение к этому типу скульптуры может показаться сомнительным. Кино-, фото- и картографические материалы образуют самостоятельные фонды, планы и схемы могут храниться в архиве, библиотеке музея, составлять часть фонда письменных источников. В исторических и краеведческих, естественнонаучных, технических, литературных музеях к художественно-изобразительным источникам подходят как к иллюстрации, повышающей эмоциональное воздействие на посетителя, не делается различия между уникальными произведениями искусства, с одной стороны, и копиями, репродукциями, фотографиями, с другой. Тем самым игнорируется содержание такого источника – художественный образ. Современные исследователи справедливо считают, что для изобразительных источников метод классификации является едва ли не самым важным, поскольку именно он позволяет адекватно интерпретировать заключенную в них социокультурную информацию.

В Государственном Политехническом музее была создана группа, решавшая проблемы классифицирования памятников науки и техники (далее – ПНТ), в ходе идентификации, регистрации и ранжирования

¹³ Магидов. 2005.

¹⁴ В основном объектом исследования становятся карты (см.: Фоменко. 2007).

ПНТ, хранящихся в российских музеях различного профиля. Классификация должна была выявить внутренние связи между различными классами и подклассами памятников науки и техники, раскрыть объективные, присущие им свойства и качества и, в результате, служить базой для всех проводимых группой исследований¹⁵.

Принятое группой определение памятника науки и техники согласуется с существующими в музееведении понятиями источника и музейного предмета. «ПНТ – сохранившийся или воссозданный материальный объект прошлого, связанный с основными этапами и достижениями в развитии науки и техники той или иной эпохи, страны или региона, который необходимо в соответствии с его исторической и социальной значимостью сохранить и использовать в общей системе культуры»¹⁶. Несмотря на то, что изучение памятников науки и техники как источников относится ко второй половине XIX – началу XXI вв., а, следовательно, не имеет такой развитой научной основы, как исследования более традиционных для гуманитарных наук вещественных (археологические находки, памятники архитектуры и искусства) и вербальных источников, музееведческие изыскания в технических музеях ведутся значительно более интенсивно и продуктивно, чем в литературных и художественных.

Проблемы классификации памятников науки и техники отражают общее содержание проблем классификации источников. Одним из первых оснований деления, предложенных П. В. Боярским, стал способ кодирования заключенной в ПНТ информации, соответственно вся совокупность была разделена на вещественные, письменные, изобразительные, фонопамятники, памятные места. Не обсуждая правомерности обозначения категорий, обратим внимание на то, с каких позиций критикует классификацию П. В. Боярского В. Р. Михеев. «Надо отметить, что используемые П. В. Боярским принципы деления классов на виды базируются на единой основе, причем признаки не только различаются между классами, но и смешаны внутри каждого класса. Так, при делении вещественных памятников одновременно используются (по терминологии Г. Г. Григоряна и В. А. Цирульникова) предметный, мемориальный, этапный и представительный принципы классификации. Члены деления взаимно не исключают друг друга, и их деление не является

¹⁵ Бубнов. 1981. С. 64–70; Боярский. 1981. С. 12–27; Боярский. 1988. С. 46–87; Дьячков. 1988. С. 88–102; Григорян. 1990. С. 6–13; Методические материалы по ранжированию музейных предметов... 1992; Михеев. 2000. С. 20–31.

¹⁶ Бубнов. 1981. С. 67.

непрерывным, то есть в работе происходит нарушение логических правил деления объема понятия (правила основания, адекватности, всеположенности и непрерывности). Поэтому фундаментальная работа Боярского, являясь выдающимся и основополагающим научным исследованием по классификации ПНТ, к сожалению, не может быть использована в практической работе Политехническим музеем и нуждается в значительной модификации»¹⁷. Одним из критериев, который должен обязательно использоваться в организации музейных фондов, является степень соответствия оригиналу. Применительно к ПНТ это означает образование групп натуральных (полностью сохранившиеся; повторы и копии эпохи оригинала; поздние копии и издания) и модельных (полномасштабные макеты; масштабно уменьшенные модели; упрощенные модели, в том числе действующие и демонстрационные) предметов.

К сожалению, сложившаяся музейная практика демонстрирует игнорирование источниковедческих знаний и отсутствие навыков научной классификации, что обусловлено целым рядом причин. Во-первых, музейные собрания складывались, а фонды организовывались исторически, поэтому в крупных музеях сегодня объективно трудно применить новейшие достижения в источниковедении. Во-вторых, источниковедческие критерии классификации, сложившиеся в прошлом веке, зафиксированы в «Инструкции по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР» (1984) и «Единых правилах организации формирования, учета, сохранения и использования музейных предметов и музейных коллекций, находящихся в музеях Российской Федерации» (2009). В-третьих, полифункциональность музейных учреждений не позволяет рассматривать проблемы научной организации фондов без учета подчиненности музея, форм собственности на музейные предметы и физических условий их хранения. В-четвертых, в музейной среде, особенно среди профильных специалистов и специалистов-практиков, распространено скептическое или пренебрежительное отношение к источниковедческой методологии и методике как основе научно-фондовой работы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Боярский П. В. Классификация памятников науки и техники // Памятники науки и техники: 1981: Ежегодник / Под ред. Н. К. Гаврюшина. М.: Наука, 1981. С. 12-27.
Боярский П. В. Теоретические основы памятниковедения науки и техники // Памят-

¹⁷ Михеев. 2000. С. 22.

- никоведение науки и техники: теория, методика, практика: Сб. науч. тр. / Отв. ред. П. В. Боярский. М.: НИИ культуры, 1988. С. 46-87.
- Бубнов И. Н.* Памятники науки и техники. Некоторые вопросы практики и теории // Вопросы истории естествознания и техники. 1981. № 1. С. 64-70.
- Григорян Г. Г.* Научно-технические музеи и принципы идентификации памятников науки и техники // Советский научно-технический музей: Проблемы и перспективы: Сб. науч. тр. / Отв. ред. В. П. Мишин. Киев: Наукова думка, 1990. С. 6-13.
- Дьячков А. И.* Памятники науки и техники в системе памятников истории и культуры // Памятниковедение науки и техники: теория, методика, практика: Сб. науч. тр. / Отв. ред. П. В. Боярский. М.: НИИ культуры, 1988. С. 88-102.
- Зомбарт В.* Буржуа: Этюды по истории развития экономического человека. Художественная промышленность и культура. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2009. 576 с.
- Магидов В. М.* Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М.: РГГУ, 2005. 394 с.
- Методические материалы по ранжированию музейных предметов как памятников науки и техники / Под ред. Г. Г. Григоряна и В. А. Цирульников. М.: Гос. Политех. Музей, 1992.
- Михеев В. Р.* Подходы к классификации памятников науки и техники // Разработка методов и научного аппарата выявления, ранжирования и музеефикации памятников науки и техники / Сост. Т. Ф. Соколова. М.: Знание, 2000. С. 20-31.
- Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 8 декабря 2009 г. № 842 «Об утверждении Единых правил организации формирования, учета, сохранения и использования музейных предметов и музейных коллекций, находящихся в музеях Российской Федерации» [Электронный ресурс]: [сайт]. URL: http://pravo.roskultura.ru/upload/file/15_12_2009_1.doc (время доступа 15.05.2010).
- Самарина Н. Г.* Проблема классификации источников в научно-фондовой работе // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры / Тр. ГИМ. Вып. 117. М.: ГИМ, 2008. С. 168-186.
- Самарина Н. Г.* Музейное источниковедение // Основы музееведения / Отв. ред. Э. А. Шулепова. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. С. 60-92.
- Уайт Л.* Наука о культуре. М.: РОССПЭН, 2004. 960 с.
- Фоменко И. К.* Образ мира на старинных портоланах: Причерноморье: Конец XIII – XVII в. М.: Индрик, 2007. 408 с.
- Фомин В. Н.* Проблемы научной обработки вещевых источников в музее // Актуальные проблемы фондовой работы музеев: Научная обработка музейных предметов / Сб. науч. трудов НИИ культуры. Вып. 99. М.: Полиграфист, 1981. С. 64-89.
- Хайдеггер М.* Вопрос о технике [Электронный ресурс]: [сайт]. URL: <http://www.heidegger.ru> (время доступа 17.10.2010).
- Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

Самарина Наталья Гурьевна, кандидат исторических наук, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Московского гуманитарного педагогического института; samarina_n.g@mail.ru